

УДК 56(092)

А.А. БОРИСЯК В КРЫМУ. НАЧАЛО ПУТИ

© 2013 г. И. В. Бодылевская

199053 г. Санкт-Петербург, В-53. Вторая линия, д. 53, кв. 30

e-mail: IVBodylevskaya@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2011 г.

Принята к печати 19.12.2011 г.

Освещается начало научного пути крупнейшего советского палеонтолога первой половины XX века академика А.А. Борисяка. Подчеркивается, что главное научное кредо ученого о палеонтологии как самостоятельном разделе биологической науки было им изложено уже в ранней статье “Введение в изучение ископаемых пелеципод” в 1899 г. Впервые рассказывается о работе Борисяка над современными двустворчатыми моллюсками на Севастопольской биологической станции и излагается история написания “Курса палеонтологии”. Отмечается, что находка севастопольской фауны млекопитающих в 1908 г. послужила началом работы ученого над палеонтологией позвоночных, что привело к созданию Палеонтологического института РАН, ныне носящего имя А.А. Борисяка.

DOI: 10.7868/S0031031X13010030

Академик Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) – крупнейший российский советский палеонтолог первой половины XX в. Его научной деятельности посвящен целый ряд работ. В настоящем очерке на материалах семейного архива освещается самое начало пути Борисяка как палеонтолога: первые научные труды, исследования в Крыму, завязывающиеся научные и дружеские отношения с другими учеными-естественниками того времени.

Борисяк увлекся естествознанием, еще учась в Самарской гимназии. В своей автобиографии он писал: “...В гимназии наибольшее влияние имели два учителя: словесности, на своих уроках-лекциях возбуждавший интерес к общественным наукам, и географии, который читал целую энциклопедию запрещенного в то время в гимназии естествознания...”. В старших классах Борисяк организовал кружок занятий “наукой вообще и естественной историей и историей в частности”. Одной из книг, определившей его мировоззрение, была прочитанная в это время книга К.А. Тимирязева “Ч. Дарвин и его учение”. Младший брат, виолончелист Андрей Борисяк, вспоминал впоследствии, что интерес к естествознанию выразился в эти годы в собирании насекомых. “Привычка к аккуратности и доведению до совершенства начатого дела имели следствием три или четыре ящика отменно выполненных коллекций бабочек и жуков Самарской губернии”.

После окончания самарской классической гимназии с золотой медалью Борисяк поступил в 1891 г. на естественное отделение Петербургского университета, где увлекался лекциями П.Ф. Лесгафта. Однако через полгода он перешел в Горный институт, возможно, “под влиянием отца-инже-

нера и в память о деде-геологе” (Геккер, 1949). В Горном институте лекции А.П. Карпинского по исторической геологии определили выбор дальнейшего пути.

Окончив Горный институт в 1896 г. с занесением имени на золотую доску, Борисяк поступает на службу в Геологический комитет, где, в числе прочего, приступает к изучению двустворчатых моллюсков, пользуясь литературными источниками и уже имеющимися в комитете коллекциями. Для продолжения биологического образования Борисяк слушает в Петербургском университете курс зоологии профессора В.Т. Шевякова и работает у него в зоотомическом кабинете. В результате уже в 1899 г. выходит работа “Введение в изучение ископаемых пелеципод”, где Борисяк впервые обозначает то кредо, которому следовал всю последующую жизнь. Он пишет, что палеонтология “все более обращается в самостоятельный отдел биологических наук, со своим собственным материалом, своим особым методом, своими самостоятельными задачами. Ископаемые остатки ... получают в руках палеонтолога самостоятельное значение с точки зрения истории развития органической жизни на земле. Освобождаясь от подчиненного положения по отношению к геологии, палеонтология становится в то же время все в более тесную связь с науками биологическими. Эта связь, по традиционному объяснению, обуславливается самим предметом науки об ископаемых, самим характером изучаемого материала, который делает для палеонтолога обязательным знакомство с современной органической жизнью...” (Борисяк, 1899, с. 2–3).

В 1897 г. Борисяку была поручена геологическая съемка северо-западной окраины Донбасса. Не-

сколько раз ее приходилось прерывать из-за обострения у Борисяка туберкулезного процесса. Геологический комитет каждый раз шел навстречу начинающему ученому, командировав его в Таврическую губернию для ознакомления с юрскими отложениями, позже — для изучения современных двусторчатых моллюсков в связи с обработкой ископаемых их видов. По счастью, начиная с 1899 г., Комитет приступает к геологическому исследованию Крымского полуострова, и с лета 1900 г. эта работа возлагается на А.А. Борисяка и К.К. Фохта. На съемке Крыма Борисяк проработал с 1900 по 1912 г. Он поселяется в Севастополе, знакомится с Севастопольской биологической станцией (СБС, рис. 1).

В сентябре 1900 г. Борисяк пишет директору Геологического Комитета Ф.Н. Чернышеву: “Вчера ... в Севастополе заходил к Ковалевскому. Добрейший Александр Онуфриевич не только предоставил в мое распоряжение библиотеку Биологической Станции на случай, если я часть зимы буду проводить в Крыму, но даже сам предлагает выслать из Академической библиотеки нужные мне книги, которых здесь не окажется”.

6 января 1901 г., поздравляя Ф.Н. Чернышева с новым столетием, Алексей Алексеевич пишет: “Я не жалею, что живу здесь (в Севастополе) благодаря биологической станции. Ея, правда, молодая, но уже порядочная библиотека дает много интересного, и, во всяком случае, позволяет следить за текущей зоологической и палеонтологической литературой, хотя бы и с птичьего полета различных указателей и ярбухов. Ежедневное посещение Ея сделалось для меня на эту зиму — “маленький комитет”.

С другой стороны, Институт (Горный) заменяет мне небольшая работа, которую предложил мне профессор В.Н. Львов (Москва) — чудный человек, с которым я познакомился здесь в Крыму. Это именно — переработка небольшого учебника по палеонтологии из серии учебников по биологии, издаваемых под его редакцией; эта работа заставила меня пересмотреть мои палеонтологические познания, многое вновь просмотреть и привести в систему, сделать именно то, что в более крупном масштабе я надеялся получить от ассистентства в Институте” (Горном).

“Небольшая работа”, о которой пишет Алексей Алексеевич, — это “Курс палеонтологии”, вышедший отдельными выпусками в 1905, 1906 и 1919 гг. История его написания такова. Профессор Московского университета, зоолог В.Н. Львов (1859—1907), задумавший “серии учебников по биологии”, предложил Борисяку сделать для своей серии переводную работу по палеонтологии. Для перевода Львов предложил Борисяку книгу Ф. Приэма (Priem, 1891), потребовался также ряд дополнений. О том, как тщательно велась работа, свидетельствует хотя бы тот факт, что в семейном архиве сохранилось более 50 писем Львова на эту тему и несколько меньше — черновиков ответов Алексея Алексеевича. В январе 1901 г. Борисяк пи-

Рис. 1. А.А. Борисяк. Севастопольская биологическая станция Академии наук. 1902—1903 гг.

шет Львову, что, “изложение мое приняло более самостоятельный характер, чем предполагалось сначала... так что придется в ранее написанные главы внести некоторые изменения, чтобы придать изложению более цельный характер”. Работа идет медленно, ведь Алексей Алексеевич работает над ней только вечерами, кроме того, при недостатке нужной литературы.

Главным делом для Борисяка была в эти годы геологическая съемка Крыма. Но письма к Ф.Н. Чернышеву показывают, что при быстро нарастающей привязанности к геологии Крыма биология ни на минуту не уходит из поля зрения Алексея Алексеевича.

Февраль 1901 г. “...Работа в Крыму побуждает меня немного оторваться от наиболее дорогой мне отрасли — биологии. В этом году мне еще посчастливилось с окаменелостями”. Продолжается и работа Борисяка по зоологии на Севастопольской биологической станции. Летом 1901 г. внезапно скончался директор станции А.О. Ковалевский. По этому поводу Борисяк пишет Чернышеву. 30 июля 1901 г.: “...Очень поразила всех прикосно-

венных к биологической станции неожиданная смерть Ковалевского. Еще так недавно проводили его отсюда совсем здоровым, бодрым, деятельным как всегда. Станция потеряла в Ковалевском очень много, так как он очень любил ее и даже зимою, когда он был в Питере, каждые 2–3 дня получались его письма с распоряжениями и вопросами. Благодаря его заботам в последнее время библиотека станции приняла совсем приличный вид...”. Осенью 1901 г. Борисяк отчитывается перед Чернышевым о лете. “...Большую часть времени я провел в Крыму, к которому все больше привязываюсь: в этом году я чувствовал под собою гораздо более твердую почву, так как более осмотрелся... думаю и на будущий год, кроме продолжения своего сплошного района, сделать приватно несколько экскурсий для расширения кругозора... По части ископаемых я был не менее счастлив в этом году, чем в прошлом... Немую толщу юрских известняков... заставил подарить мне 2-х аммонитов...”.

С января 1902 г. А.А. Борисяк приступает к зоологической работе по теме “Образование замка у некоторых пластинчатожаберных” — так записано в журнале занимающихся на СБС. Из письма Борисяка Чернышеву (19 января 1902 г.): “...В нынешнем году я решил работать в лаборатории биологической станции. В прошлом году я еще не осмеливался делать этого, так как в лаборатории очень холодно и сыро от помещающихся под ней больших аквариумов, и посещал только библиотеку. Таким образом мне удалось здесь познакомиться ближе с техникой, что болезнь помешала делать в лаборатории Шевякова...”.

Еще в начале 1901 г. Борисяк обратился в Естественно-исторический музей Таврического губернского Земства в Симферополе к Сергею Алексеевичу Зернову. “...Слышал, что при Вашем музее имеется порядочная геологическая библиотека (бывшая Головкинского) — очень буду рад познакомиться с Вами...” Знакомство очень быстро переросло в дружбу, а теперь с марта 1902 г. Зернов становится старшим зоологом — заведующим Севастопольской биологической станцией, и общение двух молодых ученых становится более тесным. Вскоре подружился и семья, и эта дружба продолжается уже свыше 100 лет.

Борисяк — Чернышеву, 21 марта 1902 г.: “...С весной сильно оживилась и биологическая станция и каждый день драга или сетка приносит какую-нибудь новую форму. Ракушки мои уже стали плодиться, хотя пока получается очень однообразный материал; если в течение апреля соблаговолит размножиться и другая форма, то может быть, мне удастся набрать немного материала по истории развития раковины...”.

После трех лет безвыездного пребывания в Крыму здоровье Алексея Алексеевича поправилось настолько, что он смог двинуться на север, пока еще не в Петербург, а в Варшаву, где климат мягче. Он пишет Львову: “...меня гонит в универ-

ситетский город необходимость обработать собранные летом материалы, и мы выбрали Варшаву, как наиболее в климатическом отношении благоприятную местность”. В Варшаве палеонтологическим кабинетом ведает Владимир Прохорович Амалицкий (1860–1917), с ним и его помощниками быстро складываются хорошие отношения. Коллекция открытых Амалицким громадных пермских пресмыкающихся несколько лет спустя составила одну из интереснейших частей Геологического, а потом Палеонтологического музея — Северо-Двинскую галерею. И еще одно интересное знакомство. Из письма Львову: “...зимой я встретил в Варшаве случайно проезжавшего там приват-доцента Одесского университета Ласкаре-¹ва, который мне удивительно пришелся по душе...”. Именно ему было поручено просмотреть “Курс палеонтологии” до печати, так как “более добросовестного и вместе компетентного не найти”, как писал Борисяк.

Летом 1903 г. Борисяк продолжает исследования в юго-западной части Крымского полуострова. Подробные ежегодные отчеты о полевых работах Борисяка в Крыму опубликованы в “Известиях Геологического комитета” с 1901 по 1913 г.

По возвращении в Севастополь осенью 1903 г. Борисяк снова пишет Чернышеву о своей работе на СБС (рис. 2). 22 ноября 1903 г., Севастополь: “...на биологической станции, кроме прошлогодних уродливых митилусов, — целая уйма работы: мои друзья приготовили мне за лето огромный материал по современным ракушкам, с которым и не справиться в один год; в особенности интересен систематически собранный материал (планктон) по личинкам пластинчатожаберных. Его я надеюсь обработать (с описанием раковин) до отъезда на север...”.

Результатом работ на СБС явились “Терато-конхиологические заметки”, вышедшие в 1904 г. одновременно в Известиях АН и в трудах Зоологической лаборатории Биологической станции Севастополя, а также “Pelecypoda черноморского планктона” (Борисяк, 1904а, б, 1905а; Borissiak, 1908). Кроме того, с 1904 по 1909 г. выходят четыре выпуска “Pelecypoda юрских отложений Европейской России” и ряд небольших работ по ископаемым беспозвоночным. Наконец, появляется и “Курс палеонтологии” (Борисяк, 1905б, 1906, 1919). “Это был учебник оригинальный и первый на русском языке, проникнутый идеями Ч. Дарвина и эволюционизмом. Значительный интерес и по сей день представляет обширное введение к первому тому, в котором палеонтология рассмотрена как отдел геологии и как отдел биологии и в конечном счете определена как “биологический отдел геологии” (Соколов, 1972). Безусловно, Борисяк придавал этой работе

¹ Ласкарев Владимир Дмитриевич (1868–1954), геолог, палеонтолог, профессор Новороссийского-Одесского университета, покинул Россию в 1922 г., работал в Греции и Сербии.

Рис. 2. Севастопольская биологическая станция Академии наук. Сидят в центре: С.А. Зернов, А.А. Борисяк; стоит 5-ый слева Е.Н. Павловский. 1906 г.

большое значение, сохранился вариант более поздней переработки курса, особенно введения, оставшийся неопубликованным.

В то же время Алексей Алексеевич все более увлекается и геологией Крыма. Это хорошо видно из его письма к Ф.Н. Чернышеву 11 ноября 1904 г.: «...я чувствую себя совсем хорошо и с трудом удерживаюсь от того, чтобы сейчас не покатить к Вам в Питер. Хочется, между прочим, показать свои изверженные породы, с которыми один здесь, как не петрограф, не могу справиться, а между тем на прошлогоднем и нынешнем своем участке их очень много, они очень разнообразны, и условия залегания их очень различны — тут и различные подземные и надземные извержения — так что это — одна из самых интересных страниц в истории Крымских гор, которая, как впрочем и все в Крыму, можно сказать, почти не затронута. Даже можно помириться, что для моей палеонтологии так мало здесь материала...».

С самых первых писем и встреч Зернов просит Борисяка знакомить его с геологией Крыма, и Борисяк подбирает наиболее интересные места для совместных экскурсий. Позже в экскурсиях иногда принимают участие и жены, и подрастающие дети (рис. 3).

Со своей стороны Борисяк предлагает Зернову свою идею планктонной ловушки. Он не только пользуется советами Зернова в своих зоологических работах, но и обменивается с ним мыслями по поводу своего «Курса палеонтологии».

Письмо Зернову (СПб. отделение Архива РАН, фонд 757, ед. хр. 38), 6 февраля 1908 г., Удельная (Петербург): «...По поводу моей книжки — чрезвычайно рад, что главное, что есть моего (выделено Борисяком — И.Б.) в ней, т.е. общий план и общие мысли (филогения), Вы одобряете. Моя цель была именно напомнить об этаккой самостоятельной палеонтологии... и я уже имел не один случай слышать от солидных людей выражения благодарности по этому поводу и заявления, что они стали моими «учениками»...».

24 сентября 1907 г., Гаспра, Борисяк — Чернышеву: «...Вчера были на Яйле — там совсем тепло и тихо, тогда как внизу бархатно-синяя поверхность моря вся покрыта белыми зубцами пенящихся валов... В этом году у меня как раз очень интересное в тектоническом отношении место, и, увлекшись, я иногда кажется на самом деле начинаю чувствовать себя тектонистом и позабываю о палеонтологии».

Впрочем, это было бы клеветой на себя, так как несмотря на интересную работу и прекрасную природу, меня все время тянет в пасмурный Питер к моим *Pseudomonotis*'ам; я довольно много занимался этой группой и пожалуй грех было бы упустить случай посмотреть Толлиевский материал, а может быть и обработать всю группу, если бы удалось достать заграничные формы...». Ждет Борисяка и «еще целый ряд других начатых работ — прямо конца не видно: так вероятно никогда и не доберешься до «настоящей палеонтологии» — позвоночных».

Рис. 3. А.А. Борисяк с дочерью. Крым, около Ялты, под горой Мегаби. 1907 г.

1908 год оказался переломным в научной деятельности Борисяка. Именно летом 1908 г. произошла счастливая, как всегда говорил о ней Алексей Алексеевич, находка севастопольской фауны позвоночных. При рытье поглощательного колодца в центре Севастополя отставной генерал-майор П.Д. Лескевич, “неутомимый популятор геологии Крыма и ревностный собиратель ископаемых”, обнаружил остатки крупных животных, о чем немедленно сообщил Борисяку. Борисяк прямо-таки загорается этой новой работой и сразу же организует раскопки. Вынужденный поздней осенью вернуться в Петербург, он в письмах к Зернову неоднократно возвращается к теме раскопок. Вот только две выдержки (СПб. отделение Архива РАН, Фонд 757, оп. 2, ед. хр. 38).

23 октября 1908 г.: “... Раскопки в помойном колодце на будущий год (а может быть и раньше) производить также будем. Если другие геологи будут зариться — газеты прокричали — сообщите им это (авось этика остановит)”.

19 ноября 1908 г.: “...Прошлым летом Ласкарев нашел также массу ископаемых млекопитающих: фауны совсем такого же состава, но из более высоких слоев. Ужасно интересно — будем строить их генетические отношения! — обязательно буду рас-

Рис. 4. А.А. Борисяк. Препаровка севастопольской фауны. 1908—1909 гг.

капывать дальше — сохраните для меня колодец, никого не подпускайте к помойке...”.

Весной 1909 г. Борисяк раньше обычного выезжает в Севастополь специально, чтобы продолжить раскопки, а только затем продолжить работать на съемке. Вскоре линза была выбрана. С помощью СБС, предоставившей свое помещение для упаковки породы, за два года в Петербург пересылается около 600 пудов камня. В Геологическом комитете, где не было опыта подобных работ, была устроена небольшая палеонтологическая лаборатория (рис. 4), даже жена была привлечена к препарированию материала. В зимние месяцы очень быстро шла работа Борисяка над монографией, посвященной севастопольской фауне.

Летом 1910 г. Алексей Алексеевич впервые работал в Крыму без семьи (жена и дочь уехали к заболевшей бабушке). К тому же в этом году в Крыму, как в ряде других мест в России, объявилась холера. То и другое создавало дополнительные трудности, но нам подарило несколько лирических зарисовок крымской природы и быта в письмах Алексея Алексеевича к семье. В это лето Алексей Алексеевич должен был не только вести исследования на северном склоне Таврического хребта, в верховьях Бельбека и Альмы, но и совместно с К.К. Фохтом решать практические вопросы, с ко-

торами в Геологический комитет обратилось управление южных железных дорог.

28 мая 1910 г. Алексей Алексеевич пишет дочери: "... Вот я уже и в Севастополе: быстро проделал обычное путешествие в "севастопольском" поезде, так как я нынче еду лечить железную дорогу, мне дали даровой билет I класса, и я с шиком, — зато и с тоской — ехал один в целом купе всю дорогу... В Севастополе я остановился у генерала. Был, конечно, сейчас же и у Зерновых".

20 июня Алексей Алексеевич с досадой пишет, что он все еще в Севастополе, и описывает свой день: "... Каждый день в 9 часов утра мы выходим на экскурсию и в 5—6 возвращаемся, а вечером сидим на бульваре... я, Фохт и Гертруда — ученица Фохта, серьезная барышня, дочь ялтинского доктора Вебера... Вечером я забегаяю на Биологическую станцию, где иногда играю на цитре — моя цитра там и стоит, в комнате Заленского, под замком у Виктории Петровны, которая мне приносит ее (цитру, а не комнату) и просит сыграть... А когда Зерновы после 9 часов начинают усиленно зевать, я складываю свою музыку и иду в сад, где уже сидят за столиком Фохт с Гертрудой и ужинают. Они пьют пиво, а я чай, и они смеются надо мной, трунят над публикой, над пискливой музыкой, над скворцом, который висит в клетке на яхт-клубе и, несмотря на ночь, насвистывает соловьем в такт музыке. А затем мы полусонные встаем и расходимся из сада — они направо, я — налево, в свою одинокую комнатку у генералов, их еще нет дома, и я спешу скорей лечь спать, так как завтра вставать на экскурсию..."

Это лето оказалось необычайно беспокойным для Алексея Алексеевича, "никогда я еще не метался так, как в нынешнем году" — после Севастополя и еще нескольких мест поселился в Узенбаше, там оказалась холера и, чтобы переждать ее, Борисьяк решает съездить на раскопки под Кишиневом, но по дороге в Одессе оказалась ... чума! В конце июля вернулся в Крым, где холера не ослабевала, а наоборот, усиливалась. Поселились в пустующей даче, где сыро, холодно, неудобно. Но днем увлекательная работа (как раз в это лето встречалось много фауны) и прекрасная природа гористой части Крыма поднимали настроение и позволяли даже о холерных вибрионах писать слегка юмористически.

9 августа 1910 г. Узенбаш: "... Нас холера охватила тесным кольцом и все более отжимает в горы. Теперь прекратилось сообщение с Ялтой, чрез которую нам часто удавалось отправить почту: вследствие усиления у нас холеры в Ялте не покупают и даже уничтожают фрукты, привезенные из Узенбаша — татары перестали поэтому ходить через горы. Пока мы храбро боремся с вибрионами, обжигаем на спиртовке всякий кусок, полученный из деревни. Экскурсируем, обходя деревню. На днях мы сделали очень большую экскурсию: поднялись из Узенбаша на Яйлу, видели Ялту, Аи Петри в двух шагах, встретили несколько отар со злыми собаками, и уже после заката стали спускаться к Коккозу.

Луна взошла и горы представляли чудную панораму хребтов, из которых самые ближние были самыми темными, а дальние пропадали в синей дымке. В такой феерической обстановке мы спускались два часа к маленькой кучке желтеньких огоньков — Коккозу. Хотели было нанять лошадь, но с нас заломили дорого, и мы решили идти пешком дальше 12 верст, пройдя уже больше сорока, но по дороге напиться чаю у доктора, с которым познакомились, узнавая о холере... Было уже половина десятого, когда мы вошли в больничный двор: направо — ярко освещенный дом, холерный барак (!), в котором в данный момент было 14 больных, — ярко освещен, бегают в нем люди; налево — квартира доктора: молодой новый доктор живет здесь с женой и двумя женщинами-врачами — холерными докторами — и вот мы очутились в самой холерной компании! Нас накормили, напоили и ... спать уложили на чистые кровати, приготовленные для будущих холерных — так в запахе карболки мы сладко и проспали: утром нас ели мухи, у каждой из которых на каждой лапке была масса вибрионов... Пока все сошло благополучно..."

И еще одна зарисовка конца этого лета. 31 августа 1910 г. Козьмодемьяны: "... Пишу на террасе монастырской гостиницы за утренним чаем. Все мы сидим, закутавшись в пальто, потому что солнце в нашем ущелье еще не взошло, хотя на соседних вершинах уже видно. Торчим тут уже скоро целую неделю, делаем огромные экскурсии, мои молодые помощники... меня совсем загоняли — нет ни минуты свободной, чтобы писать письма или почитать: корректура лежит уже целый месяц, никак не найду времени посмотреть ее..."

Живем мы с монашками довольно дружно, может быть потому, что совершенно невидимы и что позволяем обирать себя (например, за комнату — 2 р. в сутки!). Рядом, в охотничьем домике царя, у сторожа, сняли кухню... В субботу мы ходили в огромную экскурсию, на Базму (гора над Коушем), ночью и то с проводником добрались до лесничего... Он был поражен нашей храбростью — ходить по лесу по ночам, так как сам он даже днем блуждает. Он уложил нас на полу, на сене... Лесничему все хотелось показать нам рев оленей — мы долго стояли на крыльце и мерзли, но так ничего не услышавши, ушли спать...". Такое напряженное лето не могло не сказаться на здоровье Алексея Алексеевича. Вскоре по возвращении в Петербург выясняется, что туберкулезный процесс перешел теперь на почки. Летом следующего 1911 г. Борисьяк на короткое время выезжает за границу с целью сравнения севастопольской фауны позвоночных с коллекциями западноевропейских музеев, а с конца июля вновь работает в Крыму. Однако чувствует себя он плохо, иногда приходится просто лежать в квартире у Лескевичей. Чтобы взбодрить Алексея Алексеевича, генеральша как-то послала с ним в экскурсию генерала, и, действительно, поездка

оказалась удачной. Письмо к дочери, 11 августа 1911 г., гора Чучель: "...Представь себе такую картину: под большою сосною стоит мой складной стол и я пишу тебе это письмо; рядом палатка, открытая настежь, в ней видны две кровати; около меня на траве спит генерал, а поодаль сидит на кровати и курит мой новый рабочий... Все это происходит на небольшой лесной полянке, в расстоянии сотни саженей от лесной сторожки. Здесь светит яркое солнце вот уже пятый день, и лес кругом чудно хорош. Работа немного бодрит меня, жена лесника

кормит нас несравненно лучше, чем мой личарда², генерал смешит всех нас с утра до ночи — и все это вместе немного поправляет мое настроение... Я уже был на Бабугане, поднимался на Роман-Кош, самую высокую точку на Крымских горах, причем генерала поднимали выюком — он от старости уже не может ходить пешком по горам... Так как здесь нет мяса, то на Роман-Кош мы купили у чабанов полбарана, которого тут же разделали и генерал привез его на своем седле... Кругом нас удивительно много следов оленей и на лесных лужайках прямо десятками попадаются их лежки — то есть места, где они отдыхали, в виде примятой травы. Вчера мы видели целый "отпечаток" огромного оленя на траве — очевидно, он лежал на боку, совершенно растянув ноги и голову с рогами. И, несмотря на то, что их так много, этих оленей — мы не видели ни одного — так хорошо они нас чувуют и прячутся. В конце августа приедет в Крым царь, будет здесь охотиться, и в воскресенье, вероятно, здесь будут делать пробный загон, чтобы видеть, куда зверь бежит и там поставить потом царя. Но мы, вероятно, раньше отсюда уедем... По ночам над нами летают и кричат филины... и вообще лес ночью кажется более живым, все в нем шелестит и двигается и сабаки поминутно срываются и с лаем бегут в лес...".

Еще некоторое время Борисьяк оставался в Севастополе для лечения и кое-каких дел с железной дорогой, затем вернулся в Петербург. Подготовка к печати книги о севастопольской фауне уже подходит к концу, когда из Севастополя приходит сообщение о второй крупной находке той же фауны. Борисьяк ставит на работе подзаголовок "I выпуск", дает пояснение "от автора" и с нетерпением ждет доставки в Петербург нового материала. Из-за обострения болезни почек он сам не может поехать в Севастополь, но тем горячее его письмо Сергею Алексеевичу Зернову, на которого таким образом легла основная нагрузка по раскопкам (СПб. отделение архива РАН, ф. 757, оп. 2, ед. хр. 38). 17 января 1912 г.: "...Сейчас получил от Лескевича письмо о новой находке млекопитающих на Морской улице. Очень прошу Вас помочь ему раскапывать, если окажется, что там не одна челюсть, а действительно есть кости... Посмотрите, действительно ли это в сармате, а не в наносе;

2) вынимают ли камень большими глыбами, не очищая костей; 3) заклеивают ли пластырем (писал подробно Лескевичу).

30 января: "...Очень тянет меня сейчас же приехать в Севастополь и самому раскапывать, но многие вещи не пускают... умоляю Вас продолжить раскопки в том же духе — если Вам некогда, найдите кого-нибудь..., но присмотр на месте необходим — иначе переломают и выбросят, так что и не узнаете... и внушите, чтобы брали породу с костями большими кусками, отноюдь не стараясь очищать кости на месте. Чем больше глыба, тем лучше, хотя бы одна косточка торчала из нея. На месте не оставляйте, перевозите к себе, у Вас теперь места много... Ради Бога, не откладывайте раскапывать дальше — а уже я постараюсь заслужить...".

3 февраля 1912 г. Алексей Алексеевич пишет, что геолог М.М. Пригоровский едет присмотреть за раскопками, но он "не может долго остаться, и поэтому с его отъездом время раскопок снова взъедет на Вашу спину — уже как там хотите! — Вперед обещаю Вам новый вид *Zernovi*..." И еще письма, просьбы, благодарности, и опять указания... В марте первые ящики с костями поступают в Петербург, Борисьяк осматривает их и, немного меняя предыдущие указания по пересылке, заканчивает письмо 12 марта 1912 г. так: "...Чувствую, что Вашу доброту и терпение использовал до *pes plus ultra*³. — Кажется, впрочем, уже конец близок и Вы начнете постепенно забывать те мучения, которые я Вам доставил.

Благодарю Вас очень, крепко жму руку и целую, а Виктории Петровне низко кланяюсь...".

Ответные письма Зернова более лаконичны. Главным образом, это краткие отчеты об истраченных деньгах, о количестве отосланных ящиков и тому подобное.

С весны 1912 г. Борисьяк снова в Крыму; кроме уточнений по съемке, предстоят работы для железной дороги в связи с оползнями. Эти практические работы скучны и утомительны, но, с другой стороны, "одно хорошо — ходить приходится мало, а когда почкам плохо, большие экскурсии были бы вреднее...".

Это было последнее лето работы Борисьяка в Крыму именно на геологической съемке, позже приходилось выезжать только для лечения и для практических работ в связи с оползнями. Многое изменилось за 12 лет. Уже в 1911 г. Алексей Алексеевич пользуется автобусным сообщением между Ялтой и Севастополем.

27 августа 1911 г. он пишет дочери: "...Хорошая штука — приятно быстро повторить эту дорогу, надоевшую, но все такую же красивую... Вышел автобус из Севастополя в 2½ часа, а пришел в Ялту в 7½, причем в Байдарах простоял час, пока публика обедала...".

² Личарда — в XIX в. ироническое прозвище преданного слуги.

³ Дальше некуда (лат.).

Изменился и сам Севастополь. “...Ты, верно, помнишь — продолжает Алексей Алексеевич — какой он симпатичный осенью, в сырую, прохладную, но ясную погоду — с удовольствием пробегаю по Екатерининской улице от генерала на биологическую станцию и по дороге забегаю посмотреть с бульвара на бухту. Люди чужие, масса новых домов изменили все улицу, — но в общем осталась прежняя “атмосфера”, в которую я с удовольствием погружаюсь на несколько часов — дней по крайней мере...”.

“...Работы А.А. Борисьяка и его коллег из Геологического комитета составили целую эпоху в изучении Крыма и нашли отражение на 10-верстной геологической карте Крыма, составленной в 1910 г. под общей редакцией К.К. Фохта (совместно с Н.И. Андрусовым и К.К. Фохтом) и изданной в 1926 г. К сожалению... значительная часть наблюдений... осталась неопубликованной...” (Владимирская и др., 1984).

Монография “Севастопольская фауна млекопитающих” вышла двумя выпусками в 1914 и 1915 гг. и была удостоена 1-й Ахматовской премии (премии образовывались из процентов, наросших на капитал, завещанный Императорской Академии наук в 1885 г. тайным советником М.Н. Ахматовым; они присуждались “за оригинальные сочинения ко всем отраслям научных знаний и изящной литературы... писанные Русскими подданными и на Русском языке” [СПб. отделение Архива РАН, фонд 2, оп. 1/1917, ед. хр. 25]). В предисловиях была выражена благодарность как С.А. Зернову, так и всем другим, причастным к раскопкам лицам, а в описаниях фауны нашли свое место и *Tragoceras leskewitschi* n. sp., в честь генерала, “поделившегося с автором своим открытием” — так выразился Алексей Алексеевич в предисловии, и *Aceratherium zernovi* n. sp. — в честь С.А. Зернова, чью дружескую помощь невозможно ни оценить, ни измерить.

Но главное — с этого времени начались дальнейшие крупные работы Борисьяка в области палеонтологии млекопитающих. Для него это была та “настоящая”, как однажды выразился Алексей Алексеевич, палеонтология, к которой он стремился, так как именно позвоночные, в силу особенностей скелета, позволяют строить обобщения и намечать законы развития жизни. Борисьяк всегда выдвигал на

первое место “изучение такого ископаемого материала, который бы в максимальной степени отражал биологические (морфологические, функциональные, физиологические, адаптивные и т.д.) особенности организма и позволял бы на достоверной фактической основе решать наиболее важные для палеонтологии проблемы эволюции, филогении и классификации...” (Соколов, 1972).

В последующие годы Борисьяк превращается в крупнейшего палеонтолога, становится главой палеонтологов-позвоночников и, в конце концов, это привело его к созданию Палеозоологического, затем Палеонтологического института в составе биологического отделения АН СССР. Алексей Алексеевич был первым директором этого института с момента создания (1930) до своей кончины. В настоящее время Палеонтологический институт РАН по праву носит имя А.А. Борисьяка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисьяк А.А.* Введение в изучение ископаемых пелеципод (пластинчатожаберных) // Зап. СПб. минер. об-ва. 2 сер. 1899. Ч. 37. Вып. 1. С. 1–144.
- Борисьяк А.А.* Терактолого-конхиологические заметки // Изв. АН. 5 сер. 1904а. Т. 20. № 4. С. 135–144.
- Борисьяк А.А.* Терактолого-конхиологические заметки // Тр. Зоол. лаб. Биол. ст. Севаст. 1904б. № 8. С. 1–10.
- Борисьяк А.А.* Pelecypoda черноморского планктона. Изв. АН. 5 сер. 1905а. Т. 22. № 4–5. С. 135–166.
- Борисьяк А.А.* Курс палеонтологии. Ч. I. Беспозвоночные. М.: Сабашниковы, 1905б. 368 с.
- Борисьяк А.А.* Курс палеонтологии. Ч. II. Позвоночные. М., 1906. 394 с.; Ч. III. Палеофаунистика и руководящие ископаемые. Вып. 1. Палеофаунистика. Пг., 1919. 58 с.
- Борисьяк А.А.* Севастопольская фауна млекопитающих. Вып. 1. СПб. Геол. ком., 1914. 104 с.; Вып. 2. Пг., 1915. 47 с. (Тр. Геол. ком. Нов. сер. Вып. 87, 137).
- Владимирская Е.В., Кагарманов А.Х., Бодылевская И.В.* Алексей Алексеевич Борисьяк (1872–1944) // Выдающиеся ученые Геологического Комитета — ВСЕГЕИ. Л.: Наука, 1984. С. 5–31.
- Теккер Р.Ф.* Алексей Алексеевич Борисьяк // Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР. 1949. Т. 20. С. 5–19.
- Соколов Б.С.* Академик А.А. Борисьяк и развитие советской палеонтологии // Палеонтол. журн. 1972. № 3. С. 3–20.
- Borissiak A.A.* Pelecypoda du plankton de la Mer noire // Bull. sci. Fr. Belg. 1908. Т. 42. P. 149–184.
- Priem F.* L'évolution des formes animales avant l'apparition de l'homme. Paris: Baillièrre, 1891. 383 p.

A.A. Borissiak in the Crimea: The Start of the Journey

I. V. Bodylevskaya

The beginning of the eminent soviet paleontologist in the first half of the XX century, A.A. Borissiak's scientific way is described. The special emphasis placed on the fact, that his main scientific credo about paleontology as self-dependent branch of biological was expounded by him already in early article “The basis of study of fossil pelecypods” in 1899. Borissiak's research of recent pelecypods at the Sevastopol biological laboratory is first described and the history of writing “The course of paleontology” (1904–1919) is recounted. It is noted, that the finding of Sevastopol mammal fauna in 1908 initiated A.A. Borissiak to study paleontology of vertebrates, that resulted eventually in the foundation of Paleontological Institute RAS (at present named after A.A. Borissiak).

Keywords: Crimea, Sevastopol biological station, Sevastopol fauna, Paleontological Institute